

.....

Гуманитарные науки

.....

Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2023. Т. 15, № 4. С. 210–219
The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2023. Vol. 15, № 4. P. 210–219

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2023-4/210-219>

Население города как компонент денотативного содержания образа Владивостока: на примере текстов М. Щербакова

Пугачева Елена Николаевна

Владивостокский государственный университет
Владивосток. Россия

Аннотация. В статье предпринята попытка исследования денотативного содержания образа г. Владивостока, представленного в произведениях одного из ярких представителей русской литературы дальневосточной эмиграции Михаила Щербакова. Структура образа города рассматривается автором с точки зрения когнитивной лингвистики, что позволяет выявить содержание образа города в рассматриваемых текстах с опорой на методику анализа содержания концепта. Лексико-семантический анализ способствовал выявлению номинаций, указывающих на население города, застройку, окружающую природу, и обусловил выделение денотативного содержания в структуре исследуемого образа. В работе анализируются и структурируются языковые средства репрезентации компонента образа Владивостока в текстах М. Щербакова и описываются особенности их функционирования.

Ключевые слова: образ, денотативное содержание, функционирование языковых средств.

Для цитирования: Пугачева Е.Н. Население города как компонент денотативного содержания образа Владивостока: на примере текстов М. Щербакова // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2023. Т. 15, № 4. С. 210–219. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2023-4/210-219>

.....

Humanities sciences

.....

Original article

The population of the city as a component of the denotative content of the image of Vladivostok: on the example of texts by M. Shcherbakov

Elena N. Pugacheva

Vladivostok State University
Vladivostok. Russia

Abstract. Attempts were made to research the denotative content of the image of the city of Vladivostok, presented in the works of one of the brightest representatives of Russian literature of the Far Eastern emigration Mikhail Shcherbakov. The structure of the image of the city is considered by the author in terms of cognitive linguistics, which allows to identify the content of the image of the city in the texts under the consideration based on the methodology of analyzing

the content of the concept. Lexico-semantic analysis facilitated the identification of nominations indicating the population of the city, the buildings, the surrounding nature and caused the allocation of denotative content in the structure of the image under study. The paper analyzes and structures the linguistic means of representing the component of the image of Vladivostok in the texts of M. Shcherbakov and describes the features of their functioning.

Keywords: *image, denotative content, functioning of linguistic means.*

For citation: *Pugacheva E.N. The population of the city as a component of the denotative content of the image of Vladivostok: on the example of texts by M. Shcherbakov // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2023. Vol. 15, № 4. P. 210–219. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2023-4/210-219>*

Введение

Объектом настоящего исследования является денотативное содержание образа г. Владивостока, представленного в произведениях М. Щербакова. Предмет исследования – языковая репрезентация компонента денотативного содержания образа Владивостока. Цель данной работы описать содержание и языковые средства художественного воплощения компонента денотативного содержания образа Владивостока «Население города» в текстах М. Щербакова. Поставленная цель определила задачи:

– выявить содержание образа города в рассматриваемых текстах – с опорой на методику анализа содержания концепта;

– проанализировать языковые средства репрезентации компонента образа Владивостока в текстах М. Щербакова и особенности их функционирования.

Актуальность исследования определяется его включённостью в современную антропоцентрическую парадигму, обращённостью к анализу воплощения в художественном тексте регионального сознания.

Теоретическую базу исследования составили научные труды, посвящённые описанию локальных текстов с точки зрения литературоведения и лингвистики (В.Н. Топоров, И. Делекторская, В. Калмыкова, В.В. Абашев, А.П. Люсый, Л.М. Гаврилина, Н.С. Милянчук и др.). Несмотря на то что в современной филологической науке данное направление активно развивается, дальневосточные локусы в этом аспекте остаются малоисследованными, что придаёт данной работе научную новизну.

Методологической базой исследования послужили теории описания концепта, разрабатываемые в рамках когнитивной лингвистики и лингвоконцептологии (З.Д. Попова и И.А. Стернин, В.И. Карасик, С.Г. Воркачев).

Методы исследования. В работе использовался традиционный описательный метод, когнитивный метод и различные приёмы функционального анализа текста.

Источником материала стали прозаические произведения М. Щербакова, в которых представлен Владивосток: рассказы «Корень жизни», «Паршивый уголь», «Последний рейс», «Кадет Сева», повесть «Черная серия», очерки «Одиссеи без Итаки». Общий объём текстов – 179 страниц; материал извлекался методом сплошной выборки.

Основная часть

Предметно-логическое (денотативное) содержание образа устанавливается на основе семантического анализа текстовых фрагментов, репрезентирующих город, в частности выявления ключевых тематических групп лексики. Под тематической группой (ТГ) в данном случае понимается «совокупность слов разных частей речи по их сопряженности с одной темой на основе экстралингвистических параметров» [3, с. 400].

В ходе семантического анализа текстов М. Щербакова о Владивостоке [7] мы установили, что значимым компонентом денотативного содержания образа Владивостока в произведениях М. Щербакова является население города (139 номинаций, 240 примеров употребления). Всего было проанализировано 367 номинаций, 780 примеров употребления. ТГ «Население города» включает номинации людей, находящихся во Владивостоке.

Например:

И каких только людей туда не заносило: вот какой-нибудь бородатый до самых глаз дядя в торбах и оленьей кухлянке продаёт ходе-китайцу мешочек золотого песку, намытого под Охотском [Кадет Сева, с. 244].

А рядом меняет свои лиры оливковый поджарый итальянчик и мерно работает челюстями над жвачной резинкой точно топором рублённый янки-матрос [Кадет Сева, с. 244].

Они привозили и увозили разный люд: многосемейных староверов-переселенцев, «шатунов» – искателей легкого счастья, военных в белых кителях, каторжную кандальную шпану [Последний рейс, с. 172].

У Адмиральской пристани давно уже грузились семьи моряков; во всех направлениях по неосвещенным мостовым тарахтели подводы с домашним скарбом [Одиссеи без Итаки, с. 323].

В представленных примерах население Владивостока репрезентируется такими однословными и составными номинациями, как *бородатый до самых глаз дядя в торбах* и *оленьей кухлянке*; *ходя-китаец*, *оливковый поджарый итальянчик*, *точно топором рублённый янки-матрос*, *разный люд*, *многосемейные староверы-переселенцы*, «шатуны» – *искатели легкого счастья*, *военные в белых кителях*, *каторжная кандальная шпана*, *семьи моряков*. Контекст употребления данных номинаций включает описание внешности этих людей, указывающее на этническую принадлежность (*бородатый до самых глаз, в торбах и оленьей кухлянке, оливковый поджарый, точно топором рублённый*), род занятий (*военные, янки-матрос; моряки*), социальный статус (*каторжная кандальная шпана; многосемейные*), религиозные убеждения (*староверы*), мотивы пребывания в городе (*переселенцы, искатели счастья*). За счёт использования грамматических средств создаётся изобразительный эффект «многолюдности»: он достигается с помощью форм множественного числа и синтаксической конструкции «ряд» (*многосемейных староверов-переселенцев, «шатунов» – искателей легкого счастья, военных в белых кителях, каторжную кандальную шпану*). Глаголы, сочетающиеся с указанными номинациями, создают картину движения человеческих масс (*каких только людей туда не заносило, они привозили*

и увозили разный люд). Семантика местонахождения усиливается употреблением наречия со значением места *туда*.

Семантический анализ единиц этой группы позволил выделить в ее составе оппозиции по этнической принадлежности, по роду деятельности, по возрасту, по гендерному признаку; отдельное место занимает подгруппа «нарушители закона», включающая номинации людей, ведущих незаконную деятельность.

1. Номинации по этнической принадлежности – *ходя, ходи* (9); *китаец, китайцы* (8); *кореец* (6); *японцы* (6); *русские мадамы* (1); *русские дураки* (1); *китаёза* (1); *китайня* (1); *хунхузы* (1); *колонизальные мисс* (1); *шоколадные филиппинки* (1); *дядя в торбазах* (1); *итальянчик* (1); *янки-матрос* (1); *япошки* (1); «манзы» (1); *русские* (1); *человек, одетый в синюю курму и штаны с мотней* (1); *корейчата* (1); *два китайских нищих* (1); *француз* (1); *еврейка* (1) – всего 21 номинация, 46 примеров употребления.

Например:

Правда, местные «манзы»-китайцы не раз честно предупреждали его, что считают берега Залива Трепангов своей исконной землей и не допустят селиться на ней ни русских, ни корейцев, но это дело не меняло [Последний рейс, с. 170].

Точно вся прежняя Россия, найдя себе отсрочку на три года, микроскопически съежилась в этом каменном котле, чтобы снова расползтись оттуда по всем побережьям Тихого океана, пугая кудластыми вихрами и выгоревшими гимнастёрками колонизальных мисс и шоколадных филиппинок... [Кадет Сева, с. 244].

В коридорчиках из облапленного, почерневшего кирпича с темными подтеками шмыгали и торопились ходи в халатах и синих курмах, растегнутых на медно-красной груди [Корень жизни, с. 30].

Часто этнические номинации даются в сочетании с определениями, которые выполняют изобразительную функцию, репрезентируя необычный, экзотичный внешний облик представителей разных народов и культур: *ходи в халатах и синих курмах, растегнутых на медно-красной груди; бородатый до самых глаз дядя в торбазах и оленьей кухлянке; оливковый поджарый итальянчик; точно топором рублённый янки-матрос; шоколадные филиппинки* и др.

Некоторые лексемы даются с авторским поясняющим приложением: *ходя-китаец, «манзы»-китайцы*, так как имеют китайское происхождение и могут быть непонятны русскому читателю.

Согласно толковым словарям русского языка, *ходя* – «прозвище китайца, китайцев» [5]; *манзы* – «переселенцы китайцы в Уссурийском крае, составляющие рабочий класс» [6].

В целом языковая реализация данной семантики свидетельствует о широком этническом разнообразии населения Владивостока в текстах М. Щербакова.

2. Номинации по роду деятельности, которые отчетливо делятся на две подгруппы – «военные» и «гражданские».

Военные: *красные* (16); *казаки* (6); *японцы* (4); *армия* (4); *моряк, моряки* (4); *флотилия* (4); *морские офицеры* (4); *военные* (4); *генерал, генералы* (4); *боцман*

(3); милиция (3); патруль, патрули (3); партизаны (3); кадет, кадеты (3); матрос, матросы (2); раненые (2); командир, командиры (2); красноармейцы (2); отряд, отряды (2); части (2); казаки-забайкальцы (1); япошки (1); беженцы (1); секретари канцелярии (1); японские жандармы (1); казачье начальство (1); армейцы (1); часовые (1); адмирал (1); полковник (1); кадетик (1); моряки-офицеры (1); флот (1); японское командование (1); атаманы (1); морские стрелки (1); адъютант (1); капитан (1); молодцы в костюмах полувоенного типа (1); мичман (1); партизанская шайка (1); семьи моряков (1); грязная масса солдатских шинелей и полушубков (1); молчановцы (1); походная канцелярия (1); бригада (1); японские войска (1); японская партия (1); казачьи урядники (1); молодой матросик (1) – всего 50 номинаций, 107 примеров употребления.

К подгруппе «военные» относятся и такие единицы, как *апашка*, *галифе*, *шинели*, *полушубки* и т.д., называющие элементы внешнего облика военнослужащего.

Например:

Я что-то мямлил осаждавшей меня дачной девице, как вдруг к ней подкатился цупленький мальчик лет под восемнадцать в открытой апашке с закатченными по плечи рукавами и в широчайших обимыганных галифе, ведущих свою родословную от самых Омских английских складов [Кадет Сева, с. 245].

Мы подошли к пристани Подножья и через полчаса увидели ползущее с горы по дороге облако пыли, сквозь которое серела грязная масса солдатских шинелей и полушубков [Одиссеи без Итаки, с. 325].

В последнем примере наблюдается метонимическое употребление названий солдатской одежды для обозначения самих солдат.

В подгруппу «гражданские» мы включили номинации людей по роду деятельности, не относящейся к военному делу: *капитан* (6); *охотник* (4); *шансоньетка* (3); «*юли-юли*» (2); *торговец зельями* (2); *скупицики* (2); *торговцы* (2); *машинистка*, *машинистки* (2); *служащие* (2); *полупочтенные джентльмены* (1); *поэт* (1); *журналист* (1); *декламатор* (1); *лодочник* (1); *беженцы* (1) *служащие* (1); *продавец* (1); *скупицики* (1); *извозец* (1); *извозчик* (1); *певица* (1); *начальник* (1); *таможенник* (1); *чиновник* (1); *геолог* (1); *милицейский* (1); *знакомая* (1); *сибирский областник* (1); *профессор* (1); *партии инженеров* (1); *студент* (1); *буржуи* (1); *большевики* (1); *пассажиры* (1); *хозяйка-еврейка* (1); *грузчики* (1); *жандармы* (1); *стационары* (1); *резиденты* (1) – всего 39 номинаций, 55 примеров употребления.

Например:

Зато министерство финансов осаждала необычная, настойчивая толпа правительственных служащих, пытавшихся урвать хоть маленькую частицу своего жалованья за прежнее время [Одиссеи без Итаки, с. 318].

На следующий день после обеда, пока лодочник ругался с другими «юли-юли», пробиваясь к берегу среди леса голых мачт, он благополучно выпрыгнул на камни Семеновского базара [Корень жизни, с. 30].

Юли-юли – это «вид китайской лодки, а также китаец, управляющий такой лодкой»; в состав этого слова входит элемент *ли* (от кит. 李 ‘lǐ’ – название лодки в древнем Китае) и элемент *ю* (от кит. 游 ‘yóu’ – плавать) [4]. В приведенном примере номинация отражает род занятий человека.

Обычно же, завидев на туманном дождевом горизонте трубу «Сторожа», хищник бросался наутек, стараясь использовать каждый дюйм своих парусов, и тогда начиналась ожесточенная долгая охота, в которую капитану Деку приходилось вкладывать все свое искусство моряка и все свое знание Северного моря [Последний рейс, с. 174].

Профессии, связанные с морем, занимают особое место в репрезентации населения Владивостока. Языковым средством реализации данной семантики, помимо номинации *капитан*, является профессиональная лексика, обозначающая элементы быта моряков и их работы: *каюта, палуба, карты, итурманская рубка, кают-компания*.

Например:

В какое бы время дня или ночи я ни выходил из каюты, капитан или гулял «для полировки крови» по палубе, или «шаманил» над картами в итурманской рубке, или, наконец, «чифанил» в кают-компани [Паршивый уголь, с. 40].

В представленном примере номинация «чифанил» используется в значении «есть, принимать пищу» (от кит. 吃饭 ‘chī – есть fàn’ рис).

Кроме того, в рамках данной группы выделяется подгруппа «Нарушители закона», так как в текстах М. Щербакова о Владивостоке регулярно встречаются номинации, указывающие на преступную, незаконную деятельность людей.

Например:

Среди местной китайни, и мирной, и хунхузов, ходили целые легенды о нем, которые крепили с каждым новым зимним походом Дека на разбойничьи шайки, грабившие и облагавшие тогда поборами корейцев-макосево Приморья [Последний рейс, с. 175].

Как известно, слово хунхуз (от кит. 李 李 子 ‘hóng hú zǐ’ – букв. краснобородый / рыжебородый) обозначает «члена вооруженной банды, разбойника» [4].

К подгруппе «Нарушители закона», кроме лексем *хунхуз* (2), также относятся номинации *корейцы-макосево* (1) («те, кто незаконно выращивал опиумный мак»); *разбойничьи шайки* (2); *каторжная кандалная шпана* (1); *воры* (1); *женщины в легком* (1); *грабители* (1); *бандиты* (1).

Например:

Там в его отсутствие похозяйничали воры [Последний рейс, с. 170].

Эта семантика также реализуется за счет лексем *опиум* (2); *курильня* (1); *грабежи* (2); *убийства* (1) и т.п.

3. Номинации по возрасту – *старик* (1); *взрослый* (1); *мальчонка* (1), *корейчата* (1), *пожилой бородач* (1); *внук* (1); *сын* (1); *босые ребята* (1); *матросик* (1); *юный энтузиаст* (1); *студент* (1); *братишка* (1); *папа* (1) – всего 13 номинаций, 13 примеров употребления.

Например:

Как дался в руки белого дьявола священный Корень? Как допустил это гений-охранитель? – думал старик, следя, как вздувается на кончике иглы над лампочкой коричневая слеза опиума [Корень жизни, с. 34].

У самой двери к нему пристали два китайских нищих – взрослый и мальчонка [Корень жизни, с. 36].

Хотелось мне оборвать юного энтузиаста, напомнив, что кроме красот природы есть ещё правила вежливости, но его девичья хрупкая шейка так беспомощно смотрела из откинутого белого воротника, так нежно круглился тронутый первым пушком подбородок, и лучисто-синие иконописные глаза светились таким неподдельным восторгом, что мне стало его жаль [Кадет Сева, с. 245].

Семантический анализ рассмотренных нами текстов позволяет утверждать, что оппозиция по возрасту не является доминантным признаком образа населения города. Данный вывод подтверждается низкой частотностью употребления таких лексем в текстах.

4. Номинации по *гендерному* признаку: *шансоньетка* (3); *телеграфистки* (2); *женщины* (2); *девица* (1); *певица* (1); *знакомая* (1); *хозяйка-еврейка* (1); *мама* (1) – всего 8 номинаций, 12 примеров употребления.

Количественный анализ номинаций по гендерному признаку показал: из 139 номинаций ТГ «Население города» только 8 указывают на лиц женского пола. Следовательно, образ Владивостока в текстах М. Щербакова – это образ города, населённого в основном мужчинами.

В составе разных подгрупп ТГ «Население города» участвуют не только существительные, обозначающие отдельных людей, но и собирательные существительные: *толпа* (4), *отряд* (4), *шайка* (3), *команда* (2), *шпана* (2), *казачья сотня* (2), *масса* (1), *экипаж* (1) и др.

Например:

Все это узналось только впоследствии, и до самого момента ухода флотилии из Владивостока не только широкая масса беженцев, но и сами командиры кораблей совершенно не знали, идут ли они в Желтое Море или на Камчатку [Одиссеи без Итаки, с. 320].

Сейчас же заговорили, что ограбление произвела партизанская шайка, успевшая, должно быть, просочиться в Гнилой угол, обойдя с фланга японские позиции на Второй Речке [6, с. 322].

Город оставался спокойным, и вечерние поезда возвратились густо наполненные обычной воскресной толпой [Одиссеи без Итаки, с. 316].

В последнем примере наблюдается аналогичное собирательное метонимическое употребление слова *город* в значении «население города».

Регулярное употребление собирательной лексики не только поддерживает идею многолюдности Владивостока в изображении М. Щербакова, но и свидетельствует о том, что для людей, населяющих этот город, привычным является не индивидуалистский образ жизни, а коллективное, «соборное» существование.

В ходе семантического анализа материала мы также пришли к выводу о том, что важным признаком населения Владивостока является его подвижность: в текстах регулярно звучит идея миграции, переселенчества.

Например:

Казалось, что весь город куда-то переселяется [Одиссеи без Итаки, с. 323].

Побросав как попало в чемодан самые необходимые вещи, я простился со своей хозяйкой-еврейкой [Одиссеи без Итаки, с. 323].

Правда, город не особенно верил их заявлениям, но слухи о всеобщей мобилизации носились в воздухе, и папаша побогаче срочно прятали своих сынков в спокойный и безопасный Харбин [Кадет Сева, с. 247].

Мотив переселенчества актуализируется лексемами *переселяться* в значении «переезжать на новое место жительства» [2], *проститься* в значении «покидать надолго, навсегда» [2].

Наиболее масштабная и яркая картина передвижения людских масс представлена в следующем примере:

И в этот городок, прилипший ласточкиными гнёздами к обрывам сопки, которые выперли то пасхами, то куличами, то просто шишами какими-то, – сколько людей, сколько пламенных надежд лилось в него в двадцатых годах из агонизировавшей России, из оцетинившейся зеленохвойной Сибири, из благодатного Крыма, с Кавказа, из Туркестана, через волнистые барханы Гоби, через жжёные Монгольские степи и даже окружным путём – по морицинистым лазурным зеркалам тропических морей!.. [Кадет Сева, с. 243].

Указанный эффект формируется с помощью употребления многокомпонентной локативной синтаксической конструкции «глагол движения + в N4 + из/с N2 + через N4 + по N3» (*лилось в него /.../ из агонизировавшей России, из оцетинившейся зеленохвойной Сибири, из благодатного Крыма, с Кавказа, из Туркестана, через волнистые барханы Гоби, через жжёные Монгольские степи и даже окружным путём – по морицинистым лазурным зеркалам тропических морей!*). При этом конструкция осложняется сочинительными рядами, что усиливает масштаб изображаемого. Данная семантика поддерживается и метафорическим употреблением базового глагола *литься* в значении «течь непрерывной струей» [1]. Таким образом, за счет использования комплекса разноуровневых языковых средств автор создает картину массового передвижения людей из разных концов страны во Владивосток, что, с одной стороны, подчеркивает сложность пройденного ими пути, а с другой – характеризует этот город как точку притяжения людских масс, ищущих спасения.

В целом языковая репрезентация населения Владивостока в текстах М. Щербакова создает в сознании читателя картину многолюдного, поликультурного города, обитатели которого занимаются активной деятельностью, находятся в постоянном движении. Ключевое положение в этом городе занимают мужчины – прежде всего военные, моряки.

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам. Репрезентация образа города в художественном тексте может описываться с опорой на методику выявления содержания концепта, поскольку по своей семантической структуре образ и концепт изоморфны – и образ, и концепт – включают совокупность представлений о каком-то актуальном объекте внеязыковой действительности. В текстах М. Щербакова о Владивостоке ключевое положение занимает тематическая группа «Люди – население города» (30,76%), которая включает номинации обитателей Владивостока (как местных жителей,

так и приезжих). Семантический анализ единиц этой группы позволил выделить в ее составе оппозиции по этнической принадлежности, по роду деятельности, по возрасту, по гендерному признаку. Контекст употребления данных номинаций также включает указание на детали внешнего облика, религиозную принадлежность, социальный статус, мотивы пребывания в городе. Результаты семантического и контекстуально-стилистического анализа позволяют сделать вывод о том, что Владивосток в изображении М. Щербакова – это многолюдный город, наполненный представителями различных национальностей и этносов. Помимо этнокультурного, ключевым семантическим признаком в изображении обитателей Владивостока оказался «род занятий» (в этой подгруппе доминируют номинации военных и представителей морских профессий) и «гендер» (абсолютное преобладание номинаций лиц мужского пола).

Регулярное употребление собирательной лексики, частотность форм множественного числа и сочинительных рядов поддерживают идею многолюдности Владивостока в изображении М. Щербакова и свидетельствуют о том, что для людей, населяющих этот город, привычным является не индивидуалистский образ жизни, а коллективное, «соборное» существование.

Список источников

1. Большой толковый словарь русского языка: А – Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; сост., гл. ред. канд. филол. наук С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 1998. 1534 с.; 27 см.; ISBN 5-7711-0015-3
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Москва: Русский язык, 2000.
3. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.
4. Милянчук Н.С., Чжу Мэнвэй. Взаимодействие культур в идиостиле русского писателя восточной эмиграции Михаила Щербакова // Проблемы литератур Дальнего Востока: VII Международная научная конференция. Владивосток, 29 июня – 3 июля 2016 года / отв. ред.: А.А. Родионов, А.Г. Сторожук, Цянь Чжэньган. Санкт-Петербург: Изд-во Студия «НП-Принт», 2016. Т. 2. 436 с. С. 83–90.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7500 фразеологических выражений / Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Азъ, 1994. 907с.
6. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / сост. под ред. А.Н. Чудинова. Санкт-Петербург: Издание В.И. Губинского, 1910.
7. Щербаков М.В. Одиссеи без Итаки. Повесть, рассказы, очерки, стихи, переводы / сост., комм. и вступит. ст. А. Колесова. Владивосток: Рубеж, 2011. 480 с.

References

1. Large explanatory dictionary of the Russian language: A – I / RAS. In-t lingu. †.; co., ch. ed. cand. philol. sciences S.A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint; 1998. 1534 p.; 27 cm.; ISBN 5-7711-0015-3
2. Efremova T.F. New dictionary of the Russian language. Explanatory-word-forming. Moscow: Russian language; 2000.
3. Foal T.V. Dictionary of Linguistic Terms. Ed. 5th, rev. and add. Nazran: Pilgrim LLC; 2010. 486 p.

4. Milianchuk N.S., Zhu Mengwei. Interaction of cultures in the idiosyncrasy of the Russian writer of eastern emigration Mikhail Shcherbakov. *Problems of literature of the Far East: VII International Scientific Conference. Vladivostok, June 29 – July 3, 2016* / ed.: A.A. Rodionov, A.G. Storozhuk, Qian Zhengang. St. Petersburg: Publishing House Studio "NP-Print"; 2016. Vol. 2. 436 p. P. 83–90.
5. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Explanatory dictionary of the Russian language: 72,500 words and 7,500 phraseological expressions / Russian Academy of Sciences, In-t Russian language, Russian Cultural Foundation. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Aza; 1994. 907 p.
6. Dictionary of foreign words included in the Russian language / comp. ed. A.N. Chudinova. St. Petersburg: Edition of V.I. Gubinsky; 1910.
7. Shcherbakov M.V. Odyssey without Ithaca. Story, stories, essays, poems, translations / comp., comm. and will enter. Art. A. Kolesova. Vladivostok: Rubezh; 2011. 480 p.

Информация об авторе:

Пугачёва Елена Николаевна, старший преподаватель кафедры русского языка, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, elenapugacheva@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-5421-3524>

DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2023-4/210-219>

Дата поступления:
20.10.2023

Одобрена после рецензирования:
31.10.23

Принята к публикации:
14.11.2023